

Глава пятая

МАРШАЛ КОНЕВ

Победа далась нам нелегко. Враг был силен и коварен. Тем большей славы достоин советский солдат — чудо-богатырь. Он был храбр в бою, суров и великодушен. Ему мы обязаны нашей победой.

И. Конев

В один из майских дней 1973 года Иван Степанович позвонил из больницы. Приближался День Победы, а Конев плохо чувствовал себя после тяжелой операции, и это угнетало его.

— Как сегодня самочувствие? — спросил я.

— Плохо, — кратко ответил Конев, обычно никогда не склонный к разговору о болезнях. — Оборона моя прорвана на всех направлениях. Отстаиваю последние редуты...

— Но есть еще второй эшелон, третий, четвертый...

Конев на мгновение примолк, а потом тяжело произнес:

— Все резервы исчерпаны...

Он и о здоровье говорил как солдат: оборона, резервы, редуты... Сколько их было в его жизни — этих сражений, какие это были бои!

НАСТАВНИК

Пожалуй, лучше многих о полководческом почерке И. С. Конева сказал известный советский писатель, фронтовой корреспондент «Правды» **Борис Полевой**: «У хороших полководцев, как и у хороших писателей, есть свой творческий почерк... Был свой особый почерк и у маршала Конева. Очень индивидуальный, ярко выраженный почерк, который можно проследить во всех проведенных им операциях.

Западный, Калининский, Степной, 2-й Украинский, 1-й Украинский фронты. Сотни боев, десятки сражений, оборонительных и наступательных операций, главным образом наступательных, провел он в дни Великой Отечественной войны... Ни одна из операций, в сущности, не походит на другую. Каждая разворачивалась в особых условиях. Но во всех этих операциях можно найти сходные черты. И это прежде всего тщательное изучение сил про-

тивника в намечаемом месте прорыва. Детальной разведка. Разведка войсковая, воздушная, агентурная и, наконец, командирская разведка на местности...

— Изучение противника и плацдарма будущего наступления надо проводить не отвлеченно, а визуально, — учил он подчиненных. — Все надо предварительно осматривать и заранее прикидывать в уме. Все возможные варианты, которые могут возникнуть в ходе боя. Недаром говорят: «Не зная броду, не суйся в воду...» Полководец должен не стесняться ползать на брюхе по передовой...»

Из рассказа маршала Якубовского: «Был трудный, многодневный бой на Сандомирском плацдарме в августе 1944-го. Немцы ожесточенно сопротивлялись, встав на пути нашей танковой бригады. За ними была господствующая высота. Мой НИ находился совсем рядом с передним краем. На чердаке сарая. Немцы били по сараю, должно быть, догадались, что здесь кто-то есть. Видимость и для них, и для нас была плохая. Туман. Отсюда и недолеты, и перелеты. Неожиданно в зоне обстрела показались машины. Кто бы это мог быть, думаю. В самое пекло пожаловали. И вдруг ко мне на чердак поднимается Конев.

— Товарищ маршал? — изумился я.

И слышу в ответ:

— Что вы тут топчетесь третьи сутки? Где противник? Показывай скорее, — и он поднял к глазам бинокль...

— Местность плохая, — заметил я, — плохо видно.

— Не местность плохая, — отрубил Конев. — А комбат у тебя плохой, выбрать местность не сумел. Мы вот с тобой ничего не видим, а нас отлично наблюдают, всю удаль нашу...

И надо же, в тот момент снаряд врезался в угол сарая. Все, кто был рядом, бросились на пол. А я стоял перед Коневым, который отчитывал меня как ни в чем не бывало.

— Какой леший тебя сюда вынес? Кому нужна такая храбрость...

И уже спокойнее:

— Вот что, товарищ Якубовский. Храбрость — это хорошо. Если только она не единственное достоинство командира. Самое главное — это уметь управлять боем».

Наверное, особое полководческое умение — не принимать решения сгоряча, не поддаваться волнению даже в самых критических ситуациях. Борис Полевой рассказал случай (а сколько их было за годы войны), свидетельствующий, я бы сказал, о мудром хладнокровии Ивана Степановича.

Когда осенью 1941 года сложилось опасное положение на Калининском направлении, туда с чрезвычайными полномочиями был направлен И. С. Конев в сопровождении двух офицеров, шифровальщика и подвижной радиостанции. Приехали в Калининский военкомат. Однако у военкома не было ясности об обстановке. Было лишь известно, что немцы прошли город Зубцов. Конев прикинул, что противник может быть в городе дня через два-три.

Во дворе военкомата собралось много людей: жены военнослужащих, дети. Кругом атмосфера нервозности, паника. А надо было заниматься делом. Конев решил пойти на хитрость, которую когда-то вычитал в книге о Суворове. Сказал военкому: «Распорядитесь принести в ваш кабинет койку. Мне надо отдохнуть с дороги». Принесли койку. Конев снял сапоги, не раздеваясь, лег на нее, прикрылся шинелью. Пронесся слух: заместитель командующего фронтом отдыхает. Люди как-то сразу успокоились. Двор опустел, народ разошелся по домам. А Конев немедленно занялся организацией обороны...

КОММУНИСТ

Маршальские погоны И. С. Конев получил 20 февраля 1944 года после блестящего завершения Корсунь-Шевченковской операции. Судите сами: потери противника составили 73 тысячи солдат и офицеров убитыми и ранеными, более 18 тысяч пленных, в качестве трофеев взято большое количество боевой техники и вооружения.

И вот глубокой ночью в доме командующего 2-го Украинского фронта в деревне Толстое раздался звонок высокочастотного телефона.

«**Сталин:** Поздравляю с успехом. У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза. Как вы на это смотрите, не возражаете? Можно вас поздравить?»

Конев: Благодарю, товарищ Сталин.

Сталин: Ну, хорошо, отдыхайте, устали, наверное?»

А на следующий день к вечеру из Москвы прилетел самолет: заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков прислал Ивану Степановичу маршальские погоны. Их вручили Коневу на родине Тараса Шевченко в деревне Моренцы.

Свидетельствует писатель Савва Дангулов: «Он стоял, чуть сощутив глаза, легко раскачиваясь, охватив кожу ремня большими руками, будто подбоченясь. Широконосый, чуть скуластый, с остро глядящими, улыбчивыми и хитроватыми глазами, Конев пребывал в отличном состоянии духа и не хотел скрывать этого — в конце концов трудных дней и раньше было предостаточно.

— Корсунь даст нам такую силу разбега, какую мы давно не имели,— произнес он и посмотрел в окно; казалось, он видел уже движение армий.— Именно разбега, а это в наступлении важно...— Он протянул руку корреспонденту английской «Таймс». Рука у него была жестковатой, ощутимо твердой, в руке была энергия действия. Да, он так и сказал: «Корсунь даст нам... силу разбега...» — и, надев кожанку, пошел через заснеженный двор к танку, что, казалось, стоял наготове, ожидая его».

2-й Украинский шел на запад.

Часто в действующей армии слышал я от военных такое выражение: «Коневский характер». Пытался разобраться, что за этим стоит. Спрашивал.

Командир 6-го гвардейского кавкорпуса, генерал И. Ф. Куц: «Коневский характер — это знание, решительность и убежденность».

Вот один из примеров коневской убежденности.

...В двадцатых числах июня 1944 года Конев, недавно назначенный командующим 1-м Украинским фронтом, был вызван в Москву. Встреча с Верховным состоялась 23 июня в Кремле.

Здесь же находились члены ГКО, Политбюро ЦК ВКП(б), представители Ставки и Генштаба.

Конев доложил замысел операции, указав на карте, как войска фронта двумя мощными ударами на Львовском и Рава-Русском направлениях должны рассеять группу гитлеровских армий «Северная Украина», окружить и уничтожить врага в районе Броды.

— А почему два удара? — зажигая трубку и разгоняя рукой сизый дымок, спросил Верховный Главнокомандующий.— Может быть, два удара и не стоит наносить?

Пусть вместо двух ударов будет один мощный, сокрушительный!

И. С. Конев убедительно и обоснованно доказывал, что конкретная обстановка требует нанесения именно двух ударов. Он отметил, что один удар, пусть даже очень мощный, будет выталкивать противника, а не уничтожать его. В этом случае у немецко-фашистского командования окажется больше возможностей для маневра и парирования наших усилий.

— Прошу вас, — заявил Конев, — взять за основу оперативный план фронта и утвердить его. Фронт — крупное войсковое объединение. И мы в силах самостоятельно решать боевые задачи.

Вспоминает член Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-полковник К. В. Крайнюков: «Мне казалось, что Сталин вот-вот возразит Коневу, пожурит его за напористость и поступит по-своему. Однако нет!.. Без тени раздражения он внимательно слушал доводы Конева, продолжавшего утверждать, что два концентрированных удара сулят нам больше оперативных выгод, нежели один.

Потом вдруг Сталин остановился возле Ивана Степановича, пытливо посмотрел на него и с характерным акцентом бросил:

— Вы очень упрямы! — После некоторой паузы, пряча усмешку в усы, добавил: — Что ж, может быть, это и неплохо. Когда человек так решительно отстаивает свое мнение, значит, он убежден в своей правоте...»

План операции с сохранением двух ударов Ставкой был утвержден...

Позднее маршал Конев заметил по этому поводу:

— Скажу откровенно, не упрямство владело мною, а убежденность в своей правоте. Мне был вверен фронт, насчитывающий более миллиона человеческих жизней, и я отвечал не только за выполнение плана предстоящей операции, но и за жизнь людей, которых пошлю в бой. Я ставил вопрос открыто и прямо и не мог, не имел права утаивать свои мысли... Кстати, Сталин понимал людей, которые твердо и открыто отстаивали свое мнение в принципиальных вопросах...

Подтверждением правоты маршала Конева стал блестящий результат Львовско-Сандомирской операции, достигнутый войсками фронта: 32 гитлеровские дивизии из группы «Северная Украина» были разгромлены, 8 — полностью уничтожены.

На Берлинском направлении, как это было впоследствии установлено, у противника находилось не менее миллиона человек, более 10 тысяч орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов, а в самом Берлине спешно формировался двухсоттысячный гарнизон.

Из фронтовых записей Бориса Полевого:

«Приходилось ли кому-нибудь из военачальников этой или другой войны решать более сложную задачу, более важную задачу, чем та, которую предстоит сейчас решать Маршалам Советского Союза Г. К. Жукову и И. С. Коневу в этом сражении, втянувшем в себя несколько миллионов солдат, десятки тысяч орудий, танков, самолетов?»

А между тем лицо Конева спокойно. Я бы даже сказал, обыденно. И вот опять из-за канала послана очередь, где-то у самых ног маршала цвикнула пуля и, взвизгнув, отрикошетила, или, как говорят солдаты, ушла за молоком. Он только посмотрел в ее сторону и продолжал телефонный разговор с командармом Лелюшенко, передавая какой-то приказ, связанный с боями в Потсдаме...»

Из рассказа маршала Конева:

«Второго мая в Берлине раздался телефонный звонок из Москвы. Знакомый глуховатый голос Сталина по ВЧ:

— Здравствуйте, товарищ Конев!

— Здравствуйте, товарищ Сталин! Поздравляю вас с Первым мая!

— И вас поздравляю, товарищ Конев! Ну как вы там, празднуете в Берлине?

— Празднуем, товарищ Сталин! Все празднуют! Хороший Первомай!

— Молодцы! — слышалось в трубке.

Пауза. И снова голос Сталина:

— Послушай, Конев! А Прагу ты думаешь взять?!

— Конечно, думаю, товарищ Сталин!

— Я хотел, чтобы именно ты ее взял! Понял?

— Понял, товарищ Сталин! Малиновскому дальше, чем нам...

— При чем тут Малиновский? — слышалось в трубке...

— Понял, товарищ Сталин! — сказал я так, чтобы

Сталин убедился, что я его понял. Речь шла, конечно, не о Малиновском, а о союзниках, которые подходили к Чехословакии на кратчайшее расстояние от Праги.

— Жду от тебя план операции по освобождению Праги...

План родился в течение нескольких часов и на следующий день был в Москве. Сталин позвонил в полночь, сообщил, что план принимается.

— Готов? — спросил Сталин.

— Готов! — отвечал я, окрыленный тем, что наступили последние дни войны и нам предстоит завершить ее — разгромом последней гитлеровской группировки Шернера.

— Ну с богом, начинай!

Памятное напутствие. С богом так с богом! Хоть с чертом, лишь бы освободить Прагу и поставить точку на освобождении Европы от фашизма. Сталин предупредил, что придется действовать осмотрительно, чтобы спасти от разрушения древнюю Прагу. Поэтому город не бомбить. Ни в коем случае...»

Тогда я видел, как сотни тысяч пражан приветствовали на Вацлавской площади маршала Конева. Его машина еле пробивалась через этот кордон счастья и всенародного ликования. В гостинице «Алькрон» на Штепанской улице маршала ждали чехословацкие товарищи, доставленные самолетом из Кошиц. Среди них были Готвальд, Свобода, Фирлингер...

Из рассказа маршала Конева: «9 мая после освобождения Праги состоялся новый разговор с товарищем Сталиным по телефону. Первый день мира.

— Поздравляю вас, товарищ Сталин, с нашей победой!

— И вас поздравляю, товарищ Конев! Хорошая победа! Очень хорошая победа! — донесся по ВЧ голос Сталина, хотя и глухой, но отчетливый...— Как с Прагой?

— Прага спасена...»

ДИПЛОМАТ

Летом 1945 года маршал Конев был уже в Австрии. И мне довелось несколько раз встречаться с ним, видеть его на большом политическом посту во главе Союзного Контрольного Совета.

Его отношение к освобожденной Австрии было преисполнено заботы о скорейшей нормализации жизни

в этой стране, одной из первых ставшей жертвой гитлеровских захватчиков.

Никогда не забуду замечательный день 28-й годовщины Советской Армии и торжественное чествование наших воинов в венском Хофбурге. На приеме советских военачальников окружали гости — генерал Кларк и другие союзнические представители в Австрии, президент Реннер, бургомистр Кернер, были и гости из СССР, мастера искусств.

В своем выступлении на приеме в честь годовщины Советской Армии президент Австрии Реннер особо отметил заслугу маршала Конева в помощи венскому населению, спасенному от голода и перебоев в снабжении.

— Австрия никогда этого не забудет,— говорил на приеме Реннер.— Красная Армия нас не только освободила, но помогает нам встать на ноги, господин маршал!

Американский генерал Кларк пробовал пошутить. Поднимая тост за маршала Конева, он посетовал, что у Конева сильная воля, он говорит все время голосом старшего начальника.

Конев улыбнулся:

— Верно! Товарищ Сталин меня всегда укорял: мол, ты, Конев, хороший солдат, но плохой дипломат. Что поделать! На меня вам, господин Кларк, обижаться нечего. Обижайтесь на своего президента за то, что он не произвел вас в маршалы. Мы тут ни при чем. Пока же я здесь старший по званию, а с этим приятно считаться в армиях всего мира и во все времена...

Кларк не мог не рассмеяться:

— О, маршал Конев, вы отличный дипломат! С вами трудно спорить...

...Миновали десятилетия. В 1965 году заслуженному полководцу подрастающая юность присвоила новое звание — «Комсомольский маршал». Для молодежи он снова стал старшим по званию. Миллионы юношей и девушек нашей страны начали под командованием маршала Конева Всесоюзный поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Эстафетой подвига назвал его Иван Степанович Конев. «Глядя в глаза юности, мы и сами молодеем»,— любил повторять маршал. Каждая встреча с молодостью делала его счастливым. А молодежь, в свою очередь, училась у него беззаветно любить и свято беречь нашу Советскую Родину.

ЛИЧНОСТЬ

Вспоминается встреча с Коневым в Большом зале Политехнического музея в Москве. Аудитория собралась разная: ветераны войны, ученые, молодежь. Когда слово предоставили Коневу, все притихли. О чем будет говорить прославленный маршал? О своих сражениях, победах? Но речь пошла о другом — о духовном облике человека.

— Нас, военных людей, военачальников, иногда представляют уж слишком однобоко. С одной стороны, как огрубевших в годы суровой службы солдат. С другой стороны — людей сугубо профессиональных. То есть мало что знающих, кроме своей военной профессии. Я считаю это глубоким заблуждением. При всем том, что мы разного происхождения, кто из рабочих, кто из крестьян, все мы, пришедшие в Красную Армию с Великим Октябрем, одухотворены революцией. И это выше всех различий. Идеи Маркса, идеи Ленина вошли в плоть и кровь каждого из нас. И ленинский призыв учиться, учиться и учиться стал для нас законом жизни.

Никто не ожидал от Конева этого разговора. А он приводил один за другим многочисленные примеры из жизни Льва Толстого, Клаузевица, Фрунзе, размышлял о духовном мире Кутузова, Багратиона, Дениса Давыдова...

Борис Полевой так охарактеризовал маршала в беседе с английским писателем Александром Вертом: «Очень любит читать, поэтому возит всегда с собой целую библиотеку. Увлекается чтением Ливия, а также наших классиков, которых любит цитировать в разговоре, — то тут, то там ввернет что-либо из Гоголя, или Пушкина, или же из «Войны и мира»... Он очень аскетичен в своих привычках, не пьет и терпеть не может, когда кто-нибудь напивается. Очень требователен к самому себе и к другим... Он прекрасный стрелок. Ну что еще можно сказать о нем? Он прилично знает английский язык и довольно легко читает по-английски...»

Читал Конев очень много, жадно интересовался проблемами литературы как художественной, так и общественно-политической. Любил поэзию Маяковского, Твардовского, Багрицкого, Светлова.

Помню, как однажды вступился он за Маяковского в полемике с одним из известных поэтов.

— Писать надо надолго, на века, — горячо убеждал поэт. — Плакаты, отклики на злобу дня, которые делал Маяковский, это мотыльки, однодневки.

— Тут я тебе не союзник,— возразил Конев.— С Маяковским и без нас ясно: его стихи для всех поколений и для всех народов. Маяковский как-то сказал, что Великая Октябрьская революция бессмертна, а он ее певец! Все тут верно. Это ведь у кого какой голос,— рассмеялся Иван Степанович.— У кого клекот орлиный, а кто кудахчет, как курица.

Поэт, помню, обиделся, но Конев и не подумал «сглаживать» ситуацию: в своих оценках он был всегда прямодушен и не терпел комплиментов.

После войны мы как-то разговорились о литературе.

— Ваши любимые стихотворные строки?

— «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой».

— Ваше любимое произведение?

— Горьковский «Буревестник».

Вступив в 20 лет в партию большевиков, он прожил жизнь борца — очень счастливую, как он говорил, жизнь.

М. Вершинин,
фронтowej журналист